

Миронеско Е. М. Иноязычная лексика в составе русской железнодорожной терминологии
Салихов М. С. Сложные, префиксальные и простые глаголы в «Истории Бейхаки» (статистический анализ)

Обзоры и рецензии

Тугушева Р. Х. — Краткий словарь словацкого языка

Хроника

Холмов М. И. Молодежная и детская журналистика: опыт, проблемы
Вербицкая Л. А., Дмитриев П. А., Жакова Н. К., Сафронов Г. И. В. Д. Андреев (к 60-летию со дня рождения)
Андреев В. Д., Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Светозарова Н. Д. Л. Р. Зиндер (к 85-летию со дня рождения)

189

ВЕСТНИК ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. Сер. 2 Вып. 2 (№ 9)

ИСТОРИЯ

Вестн. МГУ сер 2, № 2, 1, 1989

И. Б. Дубов

РУССКО-СКАНДИНАВСКИЕ СВЯЗИ ПО МАТЕРИАЛАМ ТИМЕРЕВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Одним из важнейших торгово-ремесленных центров на Великом Волжском пути в IX—X столетиях был Тимеревский археологический комплекс, расположенный на одном из его отрезков — реке Которосль, связывающей Волгу с озером Ростовским (Неро). Уже с середины прошлого века ведется его изучение, и практически каждый полевой сезон приносит новые открытия и находки. До начала 70-х годов был известен лишь могильник, который раскапывается вплоть до настоящего времени. Дважды в литературе объявлялось о его полной исследованности, и оба раза это утверждение опровергалось. Впервые это было сделано после раскопок на рубеже 50—60-х годов экспедицией под руководством М. В. Фехнер, которая в 1963 г. отметила, что археологическое изучение Тимеревского некрополя полностью было завершено.¹ Аналогичное заключение находим в недавно опубликованной статье Н. Г. Недошивиной и М. В. Фехнер, где отмечено, что «памятник был полностью доследован».²

Импульсом к новым исследованиям в 1973 г. послужили раскопки экспедицией Ленинградского университета кургана № 95,³ а также распаханного погребального комплекса с мечом в 1976 г.⁴ В период с 1974 по 1978 г. экспедицией под руководством М. В. Фехнер было вскрыто еще 97 курганов.⁵ Ряд погребальных комплексов, имеющих скандинавское происхождение или содержащих в составе инвентаря характерные северные вещи, исследован в последние годы Ярославской экспедицией Ленинградского университета. Все эти новые раскопки дали важный материал и для рассмотрения проблем, непосредственно связанных с темой данной работы.

Анализ источников, имеющихся в распоряжении до 1973 г., когда в Тимереве развернула раскопки экспедиция Ленинградского университета, а также полученные новые данные позволили более детально, глубже и объективнее рассматривать круг вопросов, связанных со скандинавской проблематикой. Важнейшим достижением стал прежде всего тот факт, что сейчас скандинавские материалы представлены во всех категориях древностей Тимеревского комплекса: погребения по скандинавскому обряду и отдельные вещи северного происхождения в могильнике, типы построек и находки на поселении, элементы норманнской культуры в кладе куфических монет. Безусловно, рассматривать эти источники и делать на основании их изучения какие-либо выводы следует только опираясь на имеющуюся историографию и в сравнении с находками как в других районах Древней Руси, так и в самой Скандинавии.

Один из первых исследователей Ярославских некрополей И. А. Ти-

ГЛАВНАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор С. П. Меркурьев

Заместители главного редактора: Л. А. Вербицкая, В. Н. Красильников

Члены редколлегии: Н. А. Беляев, Л. К. Бетехтина, Г. В. Горланов, Н. А. Захарова, В. В. Петров, Ю. И. Полянский, Л. Е. Смирнов, Н. И. Соколов, А. В. Стронкин

Редактор отдела А. А. Мачерет

Редакционная коллегия серии:

П. А. Дмитриев (отв. редактор), Л. А. Бережной, Л. В. Бондарко, В. В. Колесов, В. Г. Комаров, И. П. Куприянова, Г. Л. Курбатов, И. П. Лысакова, В. М. Мокшенок, А. Б. Муратов, В. Г. Ревуненков, Г. Л. Соболев, Э. Д. Фролов, И. Я. Фроянов
Редакторы Г. В. Краснухина, В. М. Кузнецова

Техн. редактор Г. М. Матвеева

Корректоры А. С. Качинская, Н. А. Синицкая

Сдано в набор 17.02.89.

Подписано в печать 12.04.89.

М-21090.

Формат 70×108/16.

Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,5. Усл. кр.-отт. 10,85.

Уч.-изд. л. 12,46. Тираж 2287 экз.+25 отд. отт. Заказ № 130.

Адрес редакции: 199034, Ленинград, Университетская наб., 7/9. Телефоны: 218-97-84, 213-76-30.

Типография Изд-ва ЛГУ, 199034, Ленинград, Университетская наб., 7/9.

хомиров прямо указывал, что основная масса погребений Тимеревского могильника под Ярославлем принадлежит варягам, да и сама курганная традиция принесена в Ярославское Поволжье норманнами.⁶ И. А. Тихомиров связывал этот вывод с летописными рассказами о призвании варягов, в котором согласно летописи приняло участие и коренное население Волго-Окского междуречья — меря. Варяжские элементы были для него одним из компонентов древнерусской дружинной культуры.

В развернутом виде взгляды на Волжский путь как исконно варяжский и Ярославское Поволжье как скандинавскую колонию были изложены в исследованиях видного шведского археолога Т. Арне.⁷ В исследованиях Ю. В. Готье и П. П. Смирнова комплексы под Ярославлем трактуются как исключительно торговые центры на Волжском пути, причем их возникновение связывается ими с появлением в Верхнем Поволжье скандинавов.⁸ Ю. В. Готье полагал, что «поселение под Ярославлем было славянским... но внутри него была норманнская колония, являющаяся опорным перевалочным пунктом на середине пути из варяг на Восток», И. Брендстед считает, что «скандинавскую колонию под Ярославлем основали выходцы из Норвегии».⁹ В работах Я. В. Станкевича, Е. И. Горюновой, М. В. Фехнер, П. Н. Третьякова на тех же тимеревских материалах сформулирована противоположная позиция и показан исторический процесс во всем его многообразии и сложности.¹⁰

В последнее время в литературе появилась точка зрения, согласно которой «прямой транзитный путь по Волге IX в. не существовал». Восточные импорты и, прежде всего куфические монеты, по заключению А. Е. Леонтьева, попадали в Волго-Клязьминское междуречье с Северо-Запада. Такие выводы безусловно снижают роль и значение таких протогородских торгово-ремесленных центров, каковыми являлись Сарское городище и Тимеревское поселение. Однако накопленные обширные материалы, полученные в результате длительных раскопок, обнаружение новых категорий древностей и новейшие исследования говорят об обратном: Тимеревский археологический комплекс приобрел общеевропейское значение и наряду с Ладогой, Гнездовым, Рюриковым городищем прочно вошел в литературу как протогородской полиэтнический торгово-ремесленный центр, игравший важную роль в связях, осуществляемых Древней Русью по Волжской системе с Северной Европой, Скандинавией, с одной стороны, и с Булгарией, Хазарией и далее с Востоком, с другой.

Приведем лишь несколько заключений из последних исследований по истории и археологии Древней Руси.

Важное значение района Ярославля, где находилось Тимерево, в системе трансевропейских дальних связей, осуществлявшихся в IX—X вв., подчеркивается в работе В. П. Даркевича.¹² Причем приведенный им перечень импортных изделий далеко не полный. В. П. Даркевич называет Тимеревское поселение «ключевой торговой факторией»¹³ и ставит его в один ряд с древнерусскими протогородами (Ладога, Рюриково городище, Гнездово) и виками Северной Европы и Скандинавии (Бирка, Доррестад, Хедобю).¹⁴ В. В. Седов полагает, что окрестности Ярославля являлись одним из «двух крупных регионов концентрации курганов — захоронениями воинов-дружинников на северо-восточной окраине восточнославянской территории того времени. Оба региона находятся в узловых пунктах Балтийско-Волжского водного пути, связывающего страны Северной и Западной Европы с Востоком».¹⁵ Далее он отмечает, что «всосможены в захоронениях ярославских могильников и скандинавский эгнический компонент. Встречаются вещи северо-европейского происхождения и в культурном слое Ти-

меревского поселения».¹⁶ А. Н. Кирничников, А. Ф. Медведев, указывая на значительную концентрацию предметов вооружения, включают Тимерево-Ярославль наряду с Гнездовом — Смоленском в число «крупнейших городских центров».¹⁷ М. В. Фехнер и Н. Г. Недошвина в одной из последних своих работ связывают Тимеревский могильник с административным центром разнотинской округи, местом сбора и концентрации дани.¹⁸

Вышеприведенные заключения говорят о том, что налицо оценка Тимеревского комплекса как важного центра не только данной округи, но и имеющего определенное значение в системе дальних общеевропейских связей.

Наиболее детальный и глубокий анализ скандинавских древностей в Тимеревском комплексе мы находим в работах М. В. Фехнер. Она обоснованно выступила против попыток определений Ярославских некрополей как могильников скандинавских торговых факторий, что «ничтожное число скандинавских погребений данного крестовидного типа (Тимеревского) свидетельствует о том, что осевшие в X веке в Ярославском Поволжье незначительные группы норманнов, в XI, по-видимому, уже ассимилировались местным населением».¹⁹ Особой группой в Тимеревском могильнике являются курганы с кольцевидными каменными выкладками в основании насыпи, иногда с перекрещивающимися линиями камней в центре круга.²⁰ Вся эта серия курганов и ранее определялась как скандинавская.²¹

Таких комплексов насчитывается девять. Известен еще ряд курганов, которые можно относить по обрядности, инвентарю, наличию амулетов к скандинавским. По нашим данным, до раскопок кургана № 95 можно было насчитать немногим более двадцати погребений северного облика.

В 1973 г. к ним добавилось погребение по скандинавскому обряду и с вещами соответствующего вида из кургана № 95. Здесь было найдено сожжение на месте, рядом с кострищем обнаружены лабевидная каменная кладка, каковые характерны для Скандинавии. Из находок особый интерес вызывают серебряные ажурные биконические бусы из рубчатой проволоки.²² Основные их аналогии также происходят из Скандинавии. На территории Древней Руси они встречаются в одном из курганов норманнского могильника в урочище Плакув в Ладоге.²³

Во втором комплексе с урновым погребением, обнаруженном Ярославской экспедицией, кроме меча, ланцетовидных стрел, ладейной заклепки, ледоходного шипа и весовых гирек найдена также характерного вида деталь портупей с орнаментом в северном стиле. Вполне вероятно, что это также погребение выходца из Скандинавии.²⁴

Из комплексов, исследованных экспедицией Государственного исторического музея в последующие годы, следует обратить внимание на группу погребений в камерных гробницах. Всего таких комплексов обнаружено уже больше десяти. Отмечалось, что они отличаются от «обычных курганов с трупосожжением» и относятся к дружинным захоронениям.²⁵ Детальному анализу был подвергнут курган № 100, где найдено парное захоронение по обряду труположения: меч, копье, стрелы, колчан, снаряжение всадника и коня, весы с арабской надписью, кошелек с дирхемами, золотой перстень и многое другое.²⁶ Если судить по обряду и набору инвентаря этих курганов (и так утверждают авторы раскопок), в них можно видеть многие северные элементы. Например, курган № 100 они сравнивают с аналогичными датскими захоронениями²⁷ и отмечают, что «покойники, захороненные здесь, принадлежали к социальной верхушке общества».²⁸

Вполне вероятно, что в этих камерных гробницах захоронены представители дружинного слоя скандинавского происхождения, ко-

торые, как известно, были на Руси и с торговыми караванами, и из военной службе. Ранее М. В. Фехнер отмечала, что «среди скандинавских погребений нет ни одного захоронения, которое можно было отнести к дружинным. Большинство их отличается бедностью инвентаря».²⁹ Новые раскопки, а особенно курганов № 95 и 100, опровергают этот вывод.

Дополнительным аргументом в пользу нашего заключения служат и последние исследования Тимеревского могильника в 1984—1985 гг. когда был раскопан курган № 297, где также обнаружено камерное захоронение. В камере находились два захоронения — женщины 30—45 лет и девочки 11—13 лет. Первое погребение сопровождало следующие находки: золотое шитье от одежды, серебряная подковообразная фибула со спиральными концами из круглого рубчатого дрота, костяной иглольник с набором железных игл на цепочке из серебряных и бронзовых звеньев, пружинные ножницы, нож с деревянной рукояткой обмотанной серебряной проволокой, бусы, два лепных горшка. Во втором погребении найдены две скорлупообразные фибулы, дирхем-привеска чеканки 804—805 гг., бусы, серебряный перстень с сердоликовой вставкой. Рядом с камерой обнаружена ладьевидная вымостка из камней и доски от ладьи с заклепками. Обряд погребения и набор вещей, а также сравнительный анализ с комплексами северного происхождения в Тимеревском могильнике и аналогичными материалами из Скандинавии позволяют полагать, что это погребение совершено по скандинавскому обряду.

Таким образом, недавние исследования Тимеревского могильника принесли новый важный материал, в частности помогли выявить до сих пор не известную здесь группу камерных погребений северного происхождения.

Новым источником по рассматриваемому вопросу стали материалы Тимеревского поселения, раскопки которого продолжаются и поныне. Северные традиции зафиксированы прежде всего в домостроительстве. Основание к такому выводу дает, например, заключение С. В. Томинского, сделанное при анализе комплекса сооружений, в состав которого входила постройка — так называемый «амбар на столбе», аналогии которому широко представлены на скандинавском севере.³⁰

Ряд типов керамики, обнаруженной на Тимеревском поселении, также своими корнями уходит в Скандинавию или имеет там аналогии. Это прежде всего лепные сосуды с загнутым внутрь венчиком.³¹ Кроме того, на поселении обнаружен ряд вещей, имеющих северное происхождение или, возможно, выполненных по таким образцам. Это несколько костяных гребней с орнаментом в виде плетенки и меандра, иглы от скорлупообразных фибул, серебряная подвеска с изображением сегнера колеса, аналогии которым известны в кладах Гогланда и Швеции, бронзовый перстень с изображением на щитке сокола или ворона, стилистически восходящего к северным сюжетам, фрагмент бронзовой позолоченной фибулы со звериной маской, бронзовая деталь упряжи или португел с масками зверей, бронзовая ажурная подвеска, аналогии которой также уходят на север, и ряд других. Однако вещи скандинавского происхождения составляют мизерный процент от общего числа находок, и устойчивого характерного норманнского комплекса на поселении пока не найдено.

Особое значение имеет обнаружение на монетах из Тимеревского клада кувического серебра, найденного в 1973 г., рунических граффити, зафиксированных в четырех случаях.³² На одной из монет (Аббасиды, конец VIII — начало IX в.) обнаружена руническая надпись — «gud». Эта форма, по заключению Ю. К. Кузьменко, могла использоваться для обозначения языческих богов («боги») или христианского

бога («бог»). Руна «K» процарапана на умайядском дирхеме 729—730 гг., которая интерпретирована как магический символ, способный принести вред возможным грабителям клада. На умайядской монете 740—741 гг. можно увидеть изображение руны «S» — это, возможно, знак, означающий пожелание хорошего урожая. Сочетание этих двух знаков, обнаруженный на аббасидском дирхеме 803—804 гг. Возможно, что руны встречено на аббасидском дирхеме 803—804 гг. Возможно, что рунические граффити могли выполнять роль заклинаний против предполагаемых грабителей. Утверждать, что нанесение этих знаков связано именно с зарытием в землю Тимеревского клада, конечно, неправильно. Однако важно отметить, что эти руны найдены в центре, где бывали, останавливались и, возможно, жили скандинавы.

М. В. Фехнер произвела подсчеты процентного соотношения этнически определенных погребальных комплексов для Тимеревского могильника, получив 4% скандинавских погребений от общего количества курганов. К финским она относит 30% погребений, и 15% приходится на славянские захоронения. По ее мнению, 43% комплексов этнически неопределимы.³³ Такие подсчеты были взяты под сомнение и сделан новый количественный анализ погребений, причем неопределимые (43%) были отброшены.³⁴

В итоге получилось, что в X в. фиксируется 13% скандинавских комплексов, 75% финских, 12% славянских, а в начале XI в. — 3,5% скандинавских, 72,5% финских, 24% славянских. Авторы этого подсчета пользовались той же хронологией погребений, что и М. В. Фехнер, согласно которой даты многих вещей северного происхождения завышались в силу «запаздывания», и основная масса комплексов приходилась на вторую половину X в. Полагаем, что они распределялись более или менее равномерно между IX и X в., а в пределах последнего их максимум приходился на середину столетия. Следует также отметить, что при подсчетах в том и другом случаях не учитывались, во-первых, динамика развития, а во-вторых, активный процесс смешения населения, жившего на одном поселении и хоронившего в одном некрополе. Выделенные скандинавские погребальные комплексы отнюдь не означают, что в каждом случае погребен норманн, можно говорить лишь о существовании и степени устойчивости традиции.

В настоящее время в Тимереве насчитывается свыше 30 скандинавских погребальных комплексов, этническую принадлежность которых можно определить с большой долей вероятности, что составляет около 5% от общего количества раскопанных курганов, сооруженных за два столетия. Этот процент вовсе не отражает реального числа бывших здесь скандинавов, для многих из которых пребывание в Тимереве было временным. Кроме того, под частью курганов могли быть погребены жены скандинавов, сами имевшие иное этническое происхождение. Не следует также забывать и о своеобразной общей северо-европейской моде среди определенного слоя населения (дружинники, торговцы), которая могла коснуться и погребального ритуала. Часто в погребальных комплексах Тимеревского могильника встречаются находки скандинавских фибул-застежек. Здесь мы сталкиваемся с вопросом, являются ли фибулы или их набор обязательно этническими индикаторами. М. Ф. Фехнер полагала, что фибулы попадали в Ярославское Поволжье как предметы импорта из Скандинавии.³⁵ Кроме того, интересно ее заключение о том, что фибулы в наибольших количествах (63% всех находок на территории Руси) известны в районах, где жило финно-угорское население, так как женский костюм здесь был сходен со скандинавским и застежки северного типа имели чисто практическое значение.³⁶

Т. А. Пушкина считает, что «фибулы принадлежали выходцам из Скандинавии, попавшим в некоторые пункты Руси в IX — начале XI в.

пришедшим с собой свой племенной обряд, свои верования, свой обряд погребения».³⁷ Материал не позволяет нам согласиться с заключениями Т. А. Пушкиной. Нельзя, конечно, говорить только о торговом пути проникновения фибул. Видимо, вещи эти попадали сюда в том числе и со скандинавами и переходили к местным женщинам разными путями.

Убедительную характеристику Тимеревскому комплексу дают некоторые цифры. Оружие обнаружено в 48 погребениях — это свыше 10% от всех раскопанных комплексов.³⁸ Здесь найдено 4 меча, 2 наконечника пожен меча, фрагменты четырех кольчуг, одно копы, 12 боевых топоров, боевой нож, более 30 наконечников стрел. Торговый инвентарь (весы, гири) присутствуют в 32 погребениях, монеты — в 17 комплексах. Практически в каждом десятом погребении (50 комплексов) обнаружены фибулы, имеющие в основном скандинавское происхождение. Всего в Тимеревском могильнике на сегодняшний день найдено около 40 овальных скорлупообразных фибул, изготовленных в Скандинавии. В единственной сводке фибул, выполненной В. С. Дедухиной, описано свыше 150 овальных фибул, найденных на территории Древней Руси.³⁹ Конечно, сейчас их количество возросло, но серьезно не изменило статистики и топографии находок в целом.

Таким образом, около 25% фибул, найденных на территории Древней Руси, происходит из курганов Тимеревского некрополя. Оценка этой статистики может быть неоднозначна: она отражает ту роль, которую играл Тимеревский торгово-ремесленный центр на Великом Волжском пути.

Такое заключение подтверждают и находки в 69 курганах (15%) разнообразных бус, в 91 погребении (20%) — костяных и роговых гребней (в основном предметов импорта). Нередо значение Тимерева подтверждается находкой здесь двух крупнейших кладов восточных монет, зарытых в землю в последней трети IX в.

В целом создается следующая картина. В IX столетии, когда из земель новгородских начинается движение славянского населения на Верхнюю Волгу, вместе с ним сюда попадают и группы скандинавов, имеющие еще свой устойчивый обряд погребения — прежде всего курганы с кольцевидными каменными выкладками. С середины X столетия резко усиливается процесс формирования древнерусской народности на Волге, в котором активное участие начинает принимать и местное финно-угорское население. В то же время сохраняется скандинавская погребальная традиция — захоронения в камерных гробницах. Значительно увеличивается доля вещей северного происхождения. Последнее связано с усилением роли в это время Волжского пути как трансевропейской торговой артерии.

Тимеревский протогородской полиэтничный центр так же, как и Михайловский на левом берегу Волги, выше впадения в нее Которосли, выполнял специфические функции, являясь своеобразным перевалочным пунктом, торжищем, как бы торговыми воротами в Ростовскую землю. Клепня и Сарское городище на данном этапе являлись мерянскими племенными центрами, постепенно уступая свое главенствующее значение возникающим древнерусским городам. По мнению В. А. Лапина, центральный район Ростово-Суздальской земли «является в X—XI вв. системой сельских поселений, защищаемой с севера и юга двумя городами — Ростовом и Суздалем».⁴⁰ И во всех этих центрах представлены скандинавские элементы. Завязавшись в IX в. и достигнув своего апогея в следующем столетии, русско-скандинавские связи в таком объеме и качестве значительно свертываются в XI в. Это общенсторическое явление отразилось и в материалах Северо-Восточной Руси, включая и Тимеревский комплекс.

На основании сказанного выше следует предполагать, что скандинав-

ские традиции в период становления новой общественной раннефеодальной структуры на Верхней Волге быстро исчерпали себя, растворясь в море племенной среды славян и финно-угров. Выходцы из Скандинавии, попадавшие в Ярославское Поволжье в IX—X вв., не представляли собой какой-то особой этнической группы. В конце X — начале XI столетий скандинавские элементы в Волго-Окском междуречье практически не прослеживаются.⁴¹ Единичные находки северного происхождения из культурных слоев XI в. являются уникальными и не говорят о широком присутствии скандинавов в русских землях. Так, значительный интерес вызвал комплекс скандинавских вещей, обнаруженный в одной из усадеб в Суздале. По заключению М. В. Седовой, эта усадьба могла принадлежать одному из наемных воинов-варягов. М. В. Седова так оценивает эту находку: «... в Суздале мы застаем финальный этап русско-скандинавских отношений, когда на смену наемничеству приходят политические и матримонные связи и скандинавская верхушка растворяется в славянской среде».⁴²

Возникновение, расцвет и упадок Тимеревского центра происходили в исторически короткий отрезок времени в условиях сложнейших процессов образования русской государственности и народности. Являясь порождением времени, которое называют эпохой викингов, Тимерево, как и многие другие русские центры такого порядка, конкретно отразило в своем материале сложные и многообразные связи Руси и Скандинавского Севера. Их угасание связано с формированием подлинно городской древнерусской структуры, являвшейся частью процесса становления государства. Однако далеко не все нам ясно и понятно в интерпретации таких памятников, и здесь предстоит дальнейшие углубленные исследования.

Summary

The article deals with a complicated and disputable problem. For the first time the whole body of known archaeological data is summed up. The materials show the importance of the Timeresky complex — the settlement, burial ground and the hoards — in the system of economic, cultural and political connections between Russia and Scandinavia in the IX—XIth centuries A. D. In this article the questions of chronology, dynamics and nature of these contacts are investigated.

¹ Фехнер М. В. Тимеревский могильник // Ярославское Поволжье X—XI вв.: Сб. статей / Под ред. А. П. Смирнова. М., 1963. С. 7.

² Недошвина Н. Г., Фехнер М. В. Погребальный обряд Тимеревского могильника // СА. 1985. № 2. С. 101.

³ Дубов И. В. Новые раскопки Тимеревского могильника // КСИА АН СССР. 1976. Вып. 146. С. 82—86.

⁴ Дубов И. В., Винокурова М. Г., Седых В. Н. Ярославская экспедиция // АО 1976 года. М., 1977. С. 51—52.

⁵ Недошвина Н. Г., Фехнер М. В. Погребальный обряд... С. 101—115.

⁶ Тихомиров И. А. 1) Кто насыпал Ярославские курганы? Ч. II // Труды II областного историко-археологического съезда. Владимир, 1909. С. 90; 2) Ярославское зодчество // Ярославль в его прошлом и настоящем (исторический очерк-путеводитель). Ярославль, 1919. С. 50—51.

⁷ Agne T. Y. La Suède et l'Orient. Uppsala, 1914. P. 37, 52—54, 222. 1914. P. 37, 52—54, 222.

⁸ Готье Ю. В. Заметки о ранней колонизации Ростово-Суздальского края // ТСА РАНИОН. М., 1929. С. 223.

⁹ Brøndsted J. Vikingerne. København, 1960. С. 68—69.

¹⁰ Станкевич Я. В. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X ст. // МИА. М.; Л., 1941. № 6. С. 56—58; Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. М., 1961. № 94. С. 183—248; Ярославское Поволжье X—XI вв. С. 5—19, 75—85; Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности // МИА. Л., 1970. С. 122—141.

¹¹ Леонтьев А. Е. Волжско-Балтийский торговый путь в IX в. // КСИА АН СССР. 1986. Вып. 183. С. 8.

К ИЗУЧЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ КАРЬЕР ВО ФРАНЦИИ XVII в.

Политические карьеры — важный элемент любой правительственной системы. В этой работе речь пойдет о карьерах членов королевского совета при Людовике XIV. В абсолютистской Франции королевский совет являлся центральным органом государственного управления, главным звеном в механизме принятия политических решений.

Социальный облик членов королевского совета был предметом специального изучения.¹ Их подавляющее большинство — представители наследственного «дворянства мантии», выходцы из семей магистратов верховных судов. Многие принадлежали к династиям членов совета или включались в них с помощью брака. Известен исследователям и традиционный *cursus honorum* членов королевского совета. После получения степени лиценциата права и кратковременной «адвокатской практики» молодой человек, обычно в возрасте двадцати с небольшим лет, приобретал должность в государственном аппарате. Кратчайшая дорога в совет вела через Парижский парламент — наиболее влиятельный верховный суд королевства. После нескольких (формально шести) лет службы в нем можно было приобрести должность докладчика прошений и войти в королевский совет. Иногда докладчики прошений со временем вновь возвращались в верховные суды, но уже на должности президентов, а не советников, однако большинство до самой смерти (или выхода в отставку) продолжали службу в совете. Многие оставались простыми докладчиками прошений (старейший из них, декан корпорации, по должности являлся государственным советником), другие же делали более успешные карьеры и становились государственными советниками и даже министрами. Обычно для этого приходилось долгие годы прослужить в провинциях в качестве интендантов (последние назначались почти исключительно из докладчиков прошений). Государственные советники, не служившие докладчиками прошений, при Людовике XIV были редкостью.

Вопрос о том, какие факторы способствовали успеху политической карьеры, почти не привлекал внимания исследователей. Между тем без ответа на него не полны наши представления как о социальном, так и о профессиональном облике членов королевского совета. То, что известно о роли родственных связей в процессе формирования высшей бюрократии как социальной группы,² позволяет предположить, что и политические карьеры во многом объяснялись родством, тем более что в XVII в. протекционизм отнюдь не рассматривался как нечто достойное осуждения. По привычной логике такое положение должно было отрицательно сказаться на профессиональном уровне членов королевского совета. С другой стороны, не лишено оснований предположение, что в условиях, когда большинство государственных мужей состояло в родстве между собой, семейные связи, которыми располагали почти все, были не столь важным фактором политической карьеры, как деловые качества.

Причина неизученности этого вопроса вполне объяснима: с дистанции трех столетий трудно оценивать и тем более сравнивать деловые качества тех или иных лиц. Еще труднее от индивидуальных характеристик перейти к количественным обобщениям. Однако существует источник, содержащий статистически значимую серию характеристик деловых качеств членов королевского совета. Речь идет о так называемых «Портретах» 72 докладчиков прошений, служивших в королевском совете в 1662 г.

- 12 Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII—XIII вв. / Под ред. Т. В. Николаевой. М., 1976. С. 155.
- 13 Даркевич В. П. Международные связи // Древняя Русь. Город, замок, село / Под ред. Б. А. Колчина. М., 1985. С. 389.
- 14 Там же. С. 392.
- 15 Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. / Под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1982. С. 255.
- 16 Там же.
- 17 Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф. Вооружение // Древняя Русь. Город, замок, село / Под ред. Б. А. Колчина. С. 299.
- 18 Фехнер М. В., Недошивина Н. Г. Этнокультурная характеристика Тиммеревского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. 1987. № 3. С. 88.
- 19 Ярославское Поволжье X—XI вв. С. 17.
- 20 Дубов И. В. Скандинавские находки в Ярославском Поволжье // Скандинавский сборник XXII. Таллин, 1977. С. 175—186.
- 21 Ярославское Поволжье X—XI вв. С. 15.
- 22 Дубов И. В. Новые раскопки... С. 103.
- 23 Корзухина Г. Ф. Курганы в урочище Плакун // КСИА АН СССР. 1971. Вып. 125. С. 63.
- 24 Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 128—129.
- 25 Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Погребальный обряд... С. 112—113.
- 26 Фехнер М. В., Янина С. А. Веса с арабской надписью из Тимерева // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы: Сб. статей / Под ред. В. И. Козенковой. М., 1978. С. 184—186.
- 27 Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Погребальный обряд... С. 112.
- 28 Там же. С. 108.
- 29 Ярославское Поволжье X—XI вв. С. 15.
- 30 Томский С. В. 1) О двух типах построек Тиммеревского поселения // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья: Сб. статей / Под ред. А. Д. Столяра. Л., 1982. С. 121—122. Рис. 2; 2) Постройки Тиммеревского поселения // Дубов И. В. Северо-Восточная Русь... С. 190.
- 31 Седых В. Н. 1) Керамика Тиммеревского поселения (предварительное сообщение) // Северная Русь... С. 116. Рис. 6—7; 2) Керамика Тиммеревского поселения // Дубов И. В. Северо-Восточная Русь... С. 194. Рис. 49 (16, 17); 3) К характеристике лепной керамики Ярославского Поволжья // Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока: Сб. статей / Под ред. А. Д. Столяра. Сыктывкар, 1985. С. 71. Рис. 1—4, 5.
- 32 Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К. Классификация и интерпретация граффити на восточных монетах (коллекция Эрмитажа) // Труды Государственного Эрмитажа. XXI. Л., 1981. С. 57—59.
- 33 Ярославское Поволжье X—XI вв. С. 17.
- 34 Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Исторические связи Скандинавии и России IX—X вв.: Сб. статей / Под ред. Н. Е. Носова. И. П. Шаскольского. Л., 1970. С. 246.
- 35 Ярославское Поволжье X—XI вв. С. 84.
- 36 Фехнер М. В. Некоторые данные археологии по торговле Руси со странами Северной Европы в X—XI вв. // Новое о прошлом нашей страны: Сб. статей / Под ред. В. А. Александрова и др. М., 1967. С. 37—38.
- 37 Пушкина Т. А. О прорывности некоторых украшений скандинавского происхождения на территории Древней Руси // Вестн. Моск. ун-та. 1972. № 1. С. 94.
- 38 Фехнер М. В., Недошивина Н. Г. Этнокультурная характеристика. С. 70.
- 39 Дедюхина В. С. Фибулы скандинавского типа // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43 / Под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1967. С. 194—199.
- 40 Лапшин В. А. Население центрального района Ростово-Суздальской земли X—XIII вв. (по археологическим материалам): Автореф. канд. дис. Л., 1985. С. 33.
- 41 Кирпичников А. Н., Лебедев Г. С., Булкин В. А., Дубов И. В., Назаренко В. А. Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения // КСИА АН СССР. 1980. Вып. 160. С. 30.
- 42 Седова М. В. Славяно-скандинавский усадебный комплекс XI в. из Суздаля // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. Ч. 1 / Под ред. Г. А. Некрасова. М., 1986. С. 177.